



## ИСТОРИИ

**«Давайте вы нам все-таки некролог писать не будете» «Новая газета» до последнего пыталась освещать войну в условиях цензуры — но в итоге все-таки приостановила работу. Вот что говорят ее сотрудники**

16:43, 30 марта 2022 · Источник: Meduza

Фото: Владимир Гердо / ТАСС. Последний номер «Новой газеты» в газетном киоске

[Ссылка на материал](#)

...

Берегите себя и отправляйте этот материал только тем, кому вы доверяете

О приостановке работы после почти 30 лет существования объявила «Новая газета» — самое известное оппозиционное издание в России. Роскомнадзор вынес ей два предупреждения за упоминание НКО — «иноагентов» без маркировки; следующий по закону шаг — отзыв лицензии. Несмотря на давление властей, «Новая» решила не вывозить сотрудников за границу, до последнего пыталась освещать вторжение России в Украину в условиях военной цензуры — и оставалась одним из немногих незаблокированных независимых медиа в стране. «Медуза» поговорила с несколькими журналистами «Новой» — о том, правильное ли это решение — приостановить деятельность и какое будущее ждет газету.

---

Редакция «Медузы» выражает солидарность с коллегами из «Новой газеты». Несмотря на то, что для оптимизма нет оснований, мы надеемся, что это решение о приостановке работы издания — временное.



## Павел Каныгин, специальный корреспондент

Я еще до войны понимал, что, если кризис вокруг Украины будет усугубляться и Россия продолжит вмешиваться в дела этой страны, бесследно для российской внутренней политики это не пройдет. Когда началась война, моя первая мысль была — это конец, считанные дни остаются до того, как режим начнет давить СМИ, в том числе «Новую газету». Поэтому никакого сюрприза не было, хотя до последнего времени надежда сохранялась.

Когда ты существуешь в авральном режиме, начинаешь привыкать — и мы даже внутри потихонечку начали думать, что так может быть и дальше. Но на самом деле это просто такая психологически уловка: ты адаптируешься, но не осознаешь, что ситуация

не исчерпала себя, а давление только увеличивается и репрессивная машина просто накапливает силы, чтобы нанести финальный удар.

В нашем случае решили не блокировать сразу, как другие медиа, не делать нас «иноагентами» — они решили душить нас потихоньку. Сначала «Почта России» отказалась распространять нашу печатную версию. Затем пришло первое предупреждение от Роскомнадзора — за то, что мы якобы не сделали маркировку «иностранного агента», потом второе предупреждение (также за «упоминание НКО — „иноагента“ без маркировки», — прим. «Медузы»). Странное дело, для обоих этих предупреждений, если немножечко отмотать по времени, мы увидим поводы. Первый — Муратов тогда объявил, что мы выставляем на аукцион Нобелевскую медаль и все деньги, полученные от ее продажи, отправляем на помощь беженцам и пострадавшим на этой войне. Второй повод — это интервью с Владимиром Зеленским, которое состоялось в том числе благодаря «Новой газете» и участием Муратова; там прозвучали наши вопросы.

«Новая газета» — это не просто СМИ в классическом виде. Мы позволяли себе быть журналистами действия. За это нас всегда ругали, не любили и завидовали. Кто-то плевался и говорил, что это активизм, кто-то говорил, что мы слишком эмоционально и небрежно относимся к классическим стандартам профессии. Все эти порывы

всегда были направлены только на одно — доставить информацию до людей, которые смогут ее получить, понять происходящее и принять правильное решение.

Самый лучший наш журнализм был связан с критическими моментами в истории: с войной в Чечне, с войной в Грузии, терроризмом в России, беспределом спецслужб, «Курском», Бесланом, малайзийским «боингом», Украиной. Все эти истории мы прорабатывали с надрывом и позволяли себе гораздо больше, чем могут другие.

---

ЧТО ЕЩЕ ПРОИСХОДИТ С РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКОЙ

**За месяц в России ввели военную цензуру и заблокировали почти все независимые СМИ** Вот как российские журфаки стараются этого не замечать

---

После того как сбили самолет<sup>(1)</sup> [«Малайзийских авиалиний» над Донецкой областью], мы вышли с обложкой «Прости, Голландия». Сколько тогда желчи полилось на нас не только со стороны госструктур, но и со стороны коллег. Нам говорили: «Как вы можете просить прощения за всех, это ведь не мы». Однако эта обложка вошла в историю — и, может быть, это то, что позволило не разрушить мосты между обществами наших

двух стран, потому что это произвело большое впечатление на голландское общественное мнение.

Я активно занимался расследованием крушения малайзийского «боинга», и [знаю, что] эта обложка запомнилась голландцам. То, что не сделало государство, сделало гражданское общество в лице «Новой газеты». Мы попросили прощения за это страшное преступление, в котором поучаствовала Россия. Да, может быть, это не классическая журналистика, но это та журналистика, которая добивается целей.

Понятно, что нынешняя война началась в 2014 году, потом немножко удалось ее притушить, и вот полностью она разразилась уже сейчас. Это то, что до сих пор сложно осознать. Все, что могли — мы сделали. Сейчас говорят о коллективной ответственности. Мне кажется, что людей, которые действительно против войны — что чеченской, что войны с Грузией, — гораздо больше, чем может дать любой соцопрос. Так сложилось, что люди боятся высказываться, у них в памяти сидит этот страх: никто тебя не защитит от государства.

Когда была «Новая газета», было «Эхо Москвы», телеканал «Дождь»<sup>(2)</sup>, люди чувствовали, что они не одни. Сейчас страх расплзается, ты ощущаешь себя в этом удушающем мраке, и я боюсь, что люди будут бояться

говорить вообще. Но и в этом смысле это еще не конец. Как говорят, неучастие — это тоже позиция.

Пока я не вижу вариантов заниматься журналистикой в России — до тех пор, пока действует цензура и у власти находятся люди, которые допустили эту катастрофу. Очень надеюсь, что мы сможем возобновить издание «Новой». Сейчас у меня и моих коллег есть канал «Продолжение следует» — это ютьюб-проект, который мы развиваем уже больше года. Мы делали его с «Новой газетой», сейчас будем делать самостоятельно. Мы там выпускаем интервью и исторические разборы главных событий последних 20–30 лет. Этот проект изначально задумывался как способ отрефлексировать события недавней истории, понять, почему мы пришли к тому, к чему пришли.

Когда мы записывали очередной выпуск, началась война, и мы поняли, что время встать на паузу — потому что мы анализировали ошибки прошлого, а сейчас происходит катастрофа в реальном времени. Мы немножко изменили формат и недавно возобновили выход. Пока я вижу такое продолжение своей работы. Главный вызов — как доставлять информацию российской аудитории в условиях тотальных блокировок. Но есть огромное желание, а если оно есть, можно найти способы.



## Кирилл Мартынов, редактор отдела политики

Когда был Майдан, я писал в блоге о том, как мне не нравится политика российских властей, которая направлена на то, чтобы принуждать соседние страны к своим политическим решениям. И уже Крым присоединился в этот момент времени, и тоже я много возмущался. Андрей Колесников (не тот, который из «Коммерсанта», а который из Центра Карнеги) тогда был редактором в «Новой газете» и пригласил меня писать колонки. Собственно говоря, я писал в первые месяцы просто как автор. Потом пришел на маленькую редакторскую должность. И вот восемь лет я этим занимаюсь. Заметная часть моей жизни.

«Новая газета» — это удивительное собрание людей. У меня какие-то самоироничные метафоры. Это такая



выставка человеческих существ, пород, очень разных, очень противоречивых. Это как про экономические кластеры говорят, что их процветание и креативность — следствие того, что много разных людей друг с другом общаются. Так возникает Калифорния. «Новая газета» — такая Калифорния. Очень-очень маленькая, архаичная, а в чем-то, наоборот, суперсовременная. Мы стали первым российским медиа, которое систематически делало тикток. И многие смеялись, но как явление этот тикток состоялся.

Мы писали, пока могли; когда перестали мочь писать — перестали писать. У нас есть такое амбивалентное настроение в связи с этой ситуацией, но оно не похоронное. И давайте вы нам все-таки некролог писать не будете. Давайте все-таки говорить чуть в другом времени, чем просто завершённое прошедшее. Я просто абсолютно уверен, что дело этих 29 лет (1 апреля будет 29 лет) не закончится просто так. У нас очень много людей, полных сил, которые себя ассоциируют с изданием и которые его, безусловно, вытащат. Просто не очень пока ясно, когда и в каких формах это случится. Но закрываться мы вообще-то не собираемся.

Очень обидно, когда ты черное пытаешься называть черным — а тебя останавливает твое издание [из-за военной цензуры, введенной властями]; причем издание пережило суперсложные времена, когда я еще не работал. Особенно чеченские войны. Тогда ситуация была в той же

степени трагической, хотя и война была поменьше. Тогда можно было просто отбиться. А сейчас государство катком всех закатывает, к сожалению. И очень плохо то, что сейчас случилось. Но я доволен, что эти 34 военных дня мы проработали. Мне кажется, что даже в условиях цензуры мы многое смогли сказать.

Я вчера писал, как и многие мои коллеги, про «Новую газету», про какие-то личные впечатления... Самый главный месседж — это то, что собой представляет «Новая газета». Это самое хорошее, что было в моей жизни. И что есть в моей жизни. Давайте на настоящем времени остановимся. Просто по людям, которые и внутри газеты есть, и вокруг нее группируются... Там очень много людей, с которыми хочется спорить, на которых, наоборот, хочется ориентироваться или у кого есть чему поучиться. Довольно удивительное место, где людей поштучно отбирали в течение 30 лет. Достаточно одного Юрия Роста назвать из старшего поколения. Я даже не буду распространяться, чем он велик, и так все знают, кому надо. А с другой стороны — [Елена] Костюченко. С третьей стороны — совсем молодые ребята, приходящие на работу, потому что они верят, что «Новая газета» делает что-то хорошее.

## Херсон. Репортаж спецкора «Новой газеты» Елены Костюченко

Это очень разноплановый опыт с разными поколениями. И смешного много всего было, и какого-то трагического. Я вспомнил историю. В конце 2021 года к нам пришло работать несколько совсем юных людей. Средний возраст — около 21 года. В общем, типичные зумеры. Я не очень люблю все эти формальные собеседования. И в этот раз был не очень научный хедхантинг, а скорее сходство ценностей. И то, что меня очень поразило за этот месяц — пока мы в этих [во время войны] условиях работали, — что они абсолютно все были очень мотивированными. Никто не убежал. Я могу себе представить, что и родители в таком возрасте могут давить, и хочется спокойно доучиться, а не играть в это полуподвальное движение пацифистов. Люди буквально спали в редакции, работали круглосуточно. И это для меня лично очень важная история успеха своего рода. Теперь надо понять, как мы с ними дальше будем коммуницировать и как будем работать.



## **Вера Челищева, судебный репортер**

Я не представляю себя без «Новой газеты». Я пришла туда совсем зеленой, только поступив на журфак — триста лет тому назад, в 2004 году. В штате я начала работать с 2006-го. Я не люблю такие слова, но это смысл. Не всей жизни, но «Новая газета» — главный смысл. Это родная какая-то субстанция. Главная. Как семья.

В работе мне нравится, наверное, свобода. Свобода в написании. Ты себя не ограничиваешь какими-то рамками, стилями, «нельзя писать эмоционально». Мне нравится, что можно писать эмоционально. Кажется, что журналистика (тем более деловая) не про эмоции, их надо журналисту убирать. Но меня «Новая», и я с этим согласна, научила, что все-таки эмоции нужно показывать читателю. Мне это нравится, я ловлю от этого кайф.

В своих репортажах — я судебный репортер — я описываю все так, как именно оно происходило: как кричит судья, как ведут себя прокуроры — они могут в носу ковыряться или в телефоне сидеть, когда подсудимый выступает. Это детали, но я ловлю кайф, что могу в «Новой газете» передать эти детали. Потому что в каком-то другом месте, хоть и независимом СМИ, мне не дадут так сделать. А меня вот воспитали так с младенчества в «Новой газете». Без этого я не смогу.

Самый запомнившийся момент для меня — когда убили Анну Политковскую, я тогда стажировалась и не была в штате. Самый трагический момент. И второй по значимости — когда дали Нобелевскую премию Дмитрию Муратову. Одно трагическое, а второе очень неожиданное и очень радостное событие, которое очень сплотило редакцию. Ну и в буднях очень много ярких вещей. Мы в редакции поддерживаем друг друга, когда кто-то выпустил статью — важно автора поддержать и просто написать автору, что это классный текст. Это кажется мелочью, но без этого я не смогу лететь дальше. И когда происходят разборы полетов — бывает тяжело и дают всем по пятое число, но без этого невозможно.

Поначалу было очень сложно. Я начинала у Нугзара Микеладзе — это один из основателей «Новой газеты», один из лучших редакторов и журналистов. Его, к сожалению, сейчас уже нет. Я тогда вообще не понимала,

что он от меня хочет, и очень его боялась. А у него своя школа, он воспитал [Елену] Костюченко, [Елену] Милашину. У него своя какая-то метода; я просто, наверное, не понимала и сначала не влилась. Потом я попала под крыло Сергея Соколова. С ним тоже было сначала непросто, но сейчас мы уже понимаем друг друга. Мне очень нравится с ним работать. Он меня воспитал и сделал именно судебным журналистом. Помог избавиться от каких-то штампов, которые присущи всем. Научил чувствовать. До сих пор он меня учит чему-то. Звучит пафосно, но это действительно так. Для меня учебный процесс продолжается.

---

НА КОГО И ГДЕ МОЖНО ПОДПИСАТЬСЯ

**«Эхо Москвы» и «Дождь» закрыты, но это не значит, что замолчали и их журналисты. Рассказываем, где их теперь смотреть, слушать и читать**

---

1 апреля — 29 лет «Новой газете». День рождения моей мамы и день рождения «Новой газеты» — моей второй семьи. Я думала, что по понятным причинам в этом году мы собираться не будем, потому что, мне кажется, мало сейчас кто и что справляет из-за ситуации в Украине. Но мы решили собраться, потому что надо собираться. Если мы все сейчас уйдем в норы, мне кажется, это неправильно. Муратов вообще запретил нам реветь.

Приостановка работы «Новой», я думаю, лучший вариант из возможных. Всем нужна передышка. Мы изначально решили принять правила [Роскомнадзора], чтобы, например, публиковать цензурированные, но публиковать все же репортажи той же Лены Костюченко из Украины. Очень тяжелые, страшные, даже когда мы не писали то слово, которое нельзя произносить. Мне кажется, что это правильно, что мы хотя бы месяц, но попытались работать в этих условиях. Сейчас у нас два предупреждения Роскомнадзора, и [приостановка работы], я считаю, самое правильное решение, чтобы сохранить лицензию.

Меня ранит, что некоторые коллеги из независимых СМИ, которые были вынуждены уехать, считают, что нам надо было сразу все это прекращать и не идти ни на какие уступки. Очень легко, когда люди сидят не в Москве, давать советы, как управлять большим коллективом СМИ и какую ответственность нести. Меня это поражает. Я всем говорю: «Убейте меня, если я вообще посмею давать какие-то советы своим коллегам, будучи не в России».



## Леонид Никитинский, обозреватель

Редколлегия приняла решение, что мы не расходимся и продолжаем работать. Пока мы приостановили выпуск. На какое время — не совсем понятно, будет зависеть от ситуации, но мы очень надеемся, что это произойдет в скором времени. Будем работать в стол, что-то переделывать, что-то переформатировать. Это наше категорическое решение: если публиковать, то все, либо публиковать ничего. Поэтому пока приостановлен выпуск и сайта, и бумажной газеты. Но мы надеемся вернуться и к тому, и к другому.

Единственное, что мы пытались делать, это не употреблять слово, которое нам запретили употреблять, все остальное мы старались, насколько это возможно, и как мы это понимаем, писать. И то, что происходит внутри страны, и то, что происходит в Украине — тоже.



Поэтому ничего удивительного в том, что на нас в очередной раз попытались наехать, нет. Мы писали то, что хотим и думаем, за исключением каких-то сведений, но этого оказалось недостаточно, чтобы подстраховаться. Какая-то атака идет, мы это понимаем и не хотим окончательно лишиться газеты, поэтому мы приняли такое решение. Думаю, что наши подписчики отнеслись к этому решению с пониманием. Мне кажется, что возможность дальнейшей работы зависит от политической ситуации, я надеюсь, что мы сможем продолжить работать.

Моя жизнь давно и целиком связана с «Новой газетой», и я буду продолжать работу в газете, пока она существует. Никаких планов у меня нет, я человек уже немолодой, и строить мне их поздно. Кто-то решил уехать, кто-то решил уйти, кто-то решил остаться, это личное дело каждого.



# Давид Аракелян, видеопродюсер

Мне 19 лет. «Новую» я читаю лет с десяти. На работу я пришел три месяца назад — увидел в твиттере, что нужен видеопродюсер. Я подал заявку. Кирилл Мартынов рассмотрел ее, пригласил на собеседование, и так я попал в газету.

В первый день я очень сильно волновался. Мне надо было организовать выпуск новостей, я очень сильно тупил. Самое ужасное произошло, когда я приехал в студию и понял, что в «Новой» все снимают на камеры Sony. А у меня был опыт только на камерах Canon. С каждым выпуском новости становились все лучше, но, к сожалению, это продлилось недолго. Мы выпустили пять-шесть новостей и еще какие-то интервью, потом началась «спецоперация».

Сначала я свободно писал [в сценарии] слово «война». Первый стрим прошел в таком же формате. Но после первых предупреждений, после штрафов от Роскомнадзора мы перестали использовать слово на букву «в», переключились на «спецоперацию», и уже стало сложнее. Нужно было следить за речью Кирилла [Мартынова, ведущего новостей], следить за своими текстами. Я не мог брать в стримы информацию из украинских источников, поэтому мы на несколько дней

прекратили стримить. Но вскоре поняли, как адаптироваться, и все равно пытались освещать эту тему.

До начала «спецоперации» мои родители знали, что я об этом давно мечтаю [работать в «Новой газете»], и всячески меня поддерживали. Но после они начали просить меня уйти, приехать домой (я из Ростова-на-Дону). У меня начались конфликты с ними, но я старался не слушать родителей и просто продолжал работать. Вчера они попросили перейти работать в Russia Today.

В «Новой газете» мне больше всего нравятся люди. Для меня они всегда были героями. Я давно хотел быть журналистом, книгу Анны Политковской я прочитал в семь лет. Теперь, когда я прихожу на работу и вижу Лену Костюченко, Юрия Козырева и других наших — я не знаю, какое слово подобрать, — героев журналистики, для меня это очень ценный опыт. Для меня очень важно, что я их вижу, работаю с ними.

Я считаю, что редакция «Новой газеты» не могла поступить иначе. Почти все наши журналисты находятся в России. В этих условиях продолжать работать и писать честно, называть вещи своими именами было невозможно. А Дмитрий Андреевич [Муратов] не может подставлять своих журналистов. Сроки грозили каждому сотруднику. Это вынужденная мера.

Я не могу сказать, когда мы вернемся, но это было и в официальном заявлении. И все мы знаем — не надеемся, а знаем, — что вернемся. «Новая газета» нужна людям, а нам нужны наши читатели, поэтому мы обязательно вернемся.

---

Записала **Вета Сальникова**

## **(1) Крушение рейса МН17**

«Боинг» компании «Малайзийские авиалинии», летевший из Амстердама в Куала-Лумпур, разбился под Донецком в июле 2014 года. Погибли 298 человек. По мнению международных следователей, лайнер был сбит сепаратистами из ЗРК «Бук», доставленного на Украину из 53-й зенитной ракетной бригады ПВО в Курске. Москва отрицает причастность к катастрофе.

[Вернуться к тексту](#)

## **(2) Телеканал «Дождь»**

Объявлен в России «иностранным агентом» (как и многие другие организации и люди). Мы вынуждены указывать это по требованию российских властей. Кстати, законы об «иностранных агентах» могут угрожать и лично вам.

[Вернуться к тексту](#)

---